

*представлением, ни мнением, ни разумением, ни мыслью и сама не есть ни разумение, ни мысль. Она неизреченна и не помыслима; она не есть ни число, ни устройство, ни величина, ни малость, ни равенство, ни неравенство, ни подобие, ни неподобие. Она не движна, и не двигается, и не пребывает в состоянии покоя... до нее невозможно коснуться мыслью... относительно нее невозможно ни полагание, ни отрицание...»* (с. 608—609). Полное Ничто — полное Все. Не бытие оборачивается бытием. Максимальное отрицание — максимальным утверждением.

А теперь, пропустив восемь столетий, обратимся к *Мейстеру Экхарту* (XIII—XIV в.) — его *«Проповедям и рассуждениям»* (1912).

Конечная цель мистика — постижение бога, но такое постижение, которое нельзя перевести в зрительные образы, как мрак; в слуховые, как молчание. Иначе говоря, постижение мистического Ничто, невыразимого, неизрекаемого. Ситуация, в которой пребывает это Ничто, сливается с ним: *«Только там, где нет ни «теперь», ни «иногда», где угасают все лики и различия, в глубоком молчании произносит бог свое слово»* (с. XI). Это граница мистического созерцателя, за которую хода нет. В этой точке кончается деятельная рецептурная операциональность. Статически расслабленное состояние души как предел динамически-напряженных исканий, завершившихся в благодати, которая *«не действует... не совершает никакого дела, она слишком хороша для этого. Действие так же далеко от нее, как небо от земли»* (с. 9).

Но этому состоянию предшествует действие. Однако действие совсем иного свойства — абсолютно не связанное с операциональностью. Дело души. Тогда понятна мистическая молитва вроде *«Дай нам, бог, так томиться по господу, чтобы это заставило его самого родиться в нас»* (с. 10). Она предполагает два встречных движения: бога к человеку и наоборот.

Поскольку бог — невыразимое Ничто, постольку все устремления человека, томящегося по богу, могут быть определены лишь отрицательно: *«Что бы ни писали мудрецы о высоте неба, малейшие силы моей души выше всякого неба. Не говорю о разуме, он дальше всякой дали»* (с. 5).

Два встречных движения по тропе бог — человек утверждают: бог — конец мистических действий; он же — их начало. Он может быть развернут во все сотворенное, в том числе и в человека, носящего в себе бога. Начало этого обратного хода (действует бог) отмечено так: *«Среди молчания было во мне сказано сокровенное слово»* (с. 11).

Но только два пути одновременно и возможны: *«Выйди же ради бога из самого себя, чтобы ради тебя бог сделал то же. Когда выйдут оба — то, что останется, будет нечто единое и простое»* (с. 26).

Какова же вещь, сотворенная богом и потому божественная, но и отяжеленная грубой телесностью, и потому духовная не вполне? *«Сокровеннейшая природа всякого злака предполагает пшеницу, всякой руды — золото, всякое рождение имеет целью человека»* (с. 5). Возможность чудодейственного преобразования — оправдание тварного бытия. Но для этого следует отринуть порчу на пути к субстанциальной форме. Сущ-